

БЛЕЙК ПИРС

МОТИВ
ДЛЯ
УБИЙСТВА

ЗАГАДКИ ЭЙВЕРИ БЛЭК КН

Детектив убойного отдела, Эйвери Блэк прошла через все круги ада. Еще до работы в полиции, будучи блестящим адвокатом, она упала в глазах общества, выиграв в суде дело гарвардского профессора и отпустив его на волю, чтобы затем стать свидетелем нового убийства. Она уже потеряла мужа и дочь, а жизнь начала буквально разваливаться на мелкие кусочки.

Пытаясь искупить вину, Эйвери переходит на другую сторону законодательства. Упорно работая, она проходит весь путь от рядового офицера до детектива отдела по расследованию убийств, стараясь не обращать внимания на насмешки сослуживцев, которые прекрасно помнят, как она оступилась, и, кажется, всегда будут ненавидеть ее.

Но даже они не могут отрицать тот факт, что Эйвери обладает блестящим умом, и когда сердце Бостона замирает от действий серийного маньяка, который охотится за девушками из элитных колледжей, правоохранительные органы обращаются именно к ней. Для Эйвери это дело становится шансом показать себя, найти, наконец, искупление, которого она так жаждет. Все же, идя против убийцы, Эйвери придется подключить всю свою находчивость и смелость.

В этой психологической игре «кошки-мышки» женщины умирают при самых загадочных обстоятельствах. В бешеной гонке со временем Эйвери проходит через неожиданные и шокирующие повороты, доходит до своего предела и сталкивается с такими результатами, которые она сама не могла бы представить.

Темный интригующий психологический триллер МОТИВ ДЛЯ УБИЙСТВА – это начало новой увлекательной серии и дебют нового любимого героя, книга, которая заставит вас листать страницы до самой ночи.

Pierce Blake

Мотив для убийства (Загадки Эйвери Блэк — Книга 1)

Блейк Пирс

Блейк Пирс – автор сверхпопулярной серии про детектива Райли Пейдж (в серию входят мистические триллеры КОГДА ОНА УШЛА (книга № 1), КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга № 2), КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга № 3) и КОГДА ПРИМАНКА СРАБОТАЛА (книга № 4), а также автор серий детективов о Маккензи Уайт и Эйвери Блэк.

Детективы и триллеры – то, чем Блейк Пирс интересовался всю жизнь. Блейк с удовольствием с Вами пообщается на своем сайте www.blakepierceauthor.com www.blakepierceauthor.com, где Вы сможете узнать о нем больше и всегда быть на связи!

Copyright © 2016 г. Блейк Пирс. Все права защищены. За исключением случаев, разрешенных Законом США об авторском праве 1976 года, ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена, распространена или передана в любом формате или любыми средствами, либо храниться в базе данных, без предварительного разрешения автора. Данная книга лицензирована только для личного пользования. Данная книга не может быть повторно продана или передана другим людям. В случае, если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или же она была приобретена не для личного пользования, пожалуйста, верните ее и приобретите собственный экземпляр. Спасибо за уважение к напряженной работе автора. Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, совершенно случайно. Изображение обложки Copyright miljko используется на основании лицензии, полученной от iStock.com.

КНИГИ БЛЕЙКА ПИРСА

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ РАЙЛИ ПЕЙДЖ»

КОГДА ОНА УШЛА (книга № 1)

КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга № 2)

КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга № 3)

КОГДА ПРИМАНКА СРАБОТАЛА (книга № 4)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ МАКЕНЗИ УАЙТ»

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЕТ (Книга № 1)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ ЭЙВЕРИ БЛЭК»

МОТИВ ДЛЯ УБИЙСТВА (Книга № 1)

Синди Дженкинс просто не могла покинуть весеннюю вечеринку женского сообщества в Атриуме. Танцплощадка массивного пентхауса то и дело загоралась от ярких вспышек стробоскопов и диско-шара, отбрасывающего лучи на присутствующих и два бара. Всю ночь она танцевала то одна, то с кем-то из студентов. Партнеры появлялись из ниоткуда и также исчезали. Синди откинула свои каштановые волосы и улыбнулась безупречной улыбкой синему небу, наблюдавшему за происходящим. Это был не только праздник Каппа-Каппа-Гаммы, это была *ее* ночь, после всех этих долгих лет, которые она стремилась быть лучшей.

Ее будущее, и она уверена в этом, было предопределено.

В течение последних двух лет она стажировалась в крупной бухгалтерской фирме и недавно они предложили ей должность младшего бухгалтера. Начальной зарплаты должно было хватить на новый шикарный гардероб и аренду квартиры всего в нескольких кварталах от работы. Ее оценки? Она была первой. Конечно же она запросто могла сдать все экзамены без особых усилий, но Синди не понимала фразы «без усилий». Она всегда была упорной в работе, вне зависимости от того, что делала. Ее девизом было «усердно работай и хорошенько отдыхай». И сегодня она хотела отдохнуть.

Еще один бокал крепкого «Dreamy Blue Slush», снова звон фужеров общества Каппа-Каппа-Гамма, еще один танец. Синди просто не могла перестать улыбаться. В свете стробоскопа она двигалась будто в замедленном темпе. Ее волосы откинулись назад, а задорный носик слегка сморщился при виде парня, которого она знала уже долгие годы и который надеялся на поцелуй. «А почему бы и нет? – подумала она. – Это ведь всего лишь небрежный поцелуй, ничего серьезного». Это никак не навредит ее отношениям, даже наоборот, покажет всем присутствующим, что она не заучка и пайныка, которая всегда следует правилам.

Она заметила рядом друзей, которые поприветствовали ее кивком.

Синди отстранилась от парня. Танцы, жара и алкоголь наконец сделали свое дело. Ей стало слегка плохо и, все еще улыбаясь, она повисла на его шее, чтобы не упасть.

– Не хочешь пойти ко мне? – прошептал он.

– У меня есть парень.

– И где же он?

«Действительно, – подумала Синди. – А где же Уинстон?». Он ненавидел вечеринки женских сообществ и описывал их *кучкой заносчивых девушек, которые напиваются и изменяют своим парням*. «Что ж, – подумала она. – Наконец-то я могу согласиться». Целовать парня, когда у нее уже есть мужчина, было самой непристойной вещью из всех, что она когда-либо делала.

«Ты пьяна, – напомнила она себе. – Надо убираться отсюда».

– Мне пора, – невнятно пробормотала Синди.

– Может еще один танец?

– Нет, мне действительно пора уходить, – ответила она.

Он неохотно согласился и, возвратившись обратно к толпе танцующих, помахал ей рукой на прощание.

Синди убрала прядь мокрых от пота волос за ухо и вышла с танцпола, глядя под ноги. Ее лицо все еще светилось от счастья. Тут заиграла любимая песня, она развернулась и

остановилась у края танцующих, колеблясь.

– Нееет! – застонали ее друзья, увидев, что она пытается уйти с вечеринки.

– Куда ты собралась? – спросил один из них.

– *Домой*, – пробормотала она.

Ее лучшая подруга Рейчел протиснулась сквозь толпу и схватила Синди за руки. Она была невысокой брюнеткой довольно плотного телосложения. Ее нельзя было назвать ни красавицей, ни даже самой умной в группе, но ее агрессивный, притягивающий характер всегда ставил ее в центр внимания. Рейчел была одета в слишком узкое серебристое платье, и при каждом движении создавалось ощущение, что оно вот-вот лопнет.

– Ты не можешь уйти! – сказала она.

– Я сильно пьяна, – призналась Синди.

– Мы же еще даже не играли в Дурака! Это основа нашей вечеринки! Ну, пожалуйста!

Останься еще ненадолго.

Синди задумалась о своем парне. Они были вместе уже два года и сегодня ночью он должен был прийти к ней домой. Глубоко внутри она застонала, вспомнив этот нехарактерный для нее поцелуй на танцплощадке. «Как мне объяснить теперь *это?*» – подумала она.

– *Серьезно, я должна идти*, – ответила Синди и, намекая на беспокойный характер Рейчел, шутливо добавила, посмотрев на парня, с которым целовалась. – Кто знает, что случится, если я останусь?

– О, нет, – огорченно застонали ее друзья.

– Она вышла из под контроля!

Синди поцеловала Рейчел в щеку и направилась к двери, бросив напоследок:

– Хорошей ночи. Увидимся завтра.

Выйдя на улицу, она глубоко вдохнула свежий прохладный воздух. Девушка вытерла пот с лица и пошла по Черч-стрит в своем коротеньком желтом летнем платье. Центр города в основном состоял из невысоких кирпичных зданий и пары особняков, скрывающихся за деревьями. Она пересекла левый поворот на Брэттл-стрит и пошла на юго-запад.

Уличные фонари, по сути, освещали только перекрестки, и часть Брэттл-стрит была окутана темнотой. Вместо того, чтобы обеспокоиться этим, Синди прибавила шаг, раскинув руки в обе стороны, будто темнота каким-то образом могла очистить ее организм от алкоголя и придать сил для свидания с Уинстоном.

Слева от нее простилалась узкая аллея. Инстинкт самосохранения подсказывал ей быть осторожнее, в конце концов, было очень поздно. Но она шла и не обращала внимания на потрепанную часть Бостона. Синди просто не могла поверить, что что-то может встать на пути в ее светлое будущее.

Краем глаза она уловила какое-то движение и обернулась. Но было слишком поздно.

Она ощутила резкую боль в шее, которая сорвала ей дыхание, и обернулась на что-то мерцающее позади.

Игла.

Сердце Синди резко застучало и эйфория улетучилась.

В этот же момент она почувствовала, как кто-то дотронулся до ее спины, опираясь рукой. Человек явно был меньше, но сильнее. Рывком ее затащили в переулок.

– Шшш. Тихо.

Надежда о том, что это могло быть чьей-то шуткой, растворилась как только она

услышала этот зловещий голос.

Она попыталась пнуть человека и закричать. Но, по какой-то неведомой причине, ее горло словно опухло и она не смогла издать ни звука. Ноги также стали ватными, Синди с трудом стояла на земле.

«Сделай же *что-нибудь*», – приказывала она самой себе, понимая, что может погибнуть.

Рука человека охватывала ее с правой стороны. Синди выкрутилась из этого кольца и тут же резко мотнула головой назад, ударив нападавшего. Она попала ему прямо в нос, практически услышав треск. Человек выругался и отпустил ее.

«Беги!» – умоляла себя Синди.

Но тело отказывалось подчиняться. Ее ноги подкосились и она тяжело опустилась на цемент.

Синди лежала на спине, раскинув в стороны руки и ноги, не в состоянии двигаться.

Нападающий встал на колени рядом с ней. Его лицо было скрыто под неряшливым париком, наклееными усами и толстыми очками. Увидев его глаза за стеклами очков, Синди ощутила, как по ее телу пробежали мурашки. Они были холодными и жестокими. Бездушными.

– Я люблю тебя, – произнес он.

Синди попыталась закричать, но получилось лишь хриплое бульканье.

Человек почти коснулся ее лица. Затем, будто осознав, что кто-то может находиться поблизости, резко встал.

Синди ощутила, как он схватил ее руками и потащил через аллею.

Ее глаза наполнились слезами.

«*Кто-нибудь*, – мысленно молилась она. – *Помогите мне. Помогите!*» Она вспомнила своих одноклассников, друзей и собственный смех на вечеринке. «*Помогите!*»

В конце пути этот небольшой человек поднял ее и крепко обнял. Ее голова уткнулась ему в плечо и он нежно погладил Синди по волосам.

Он взял ее руку и перекинул через себя так, будто они обнимались, как пара.

– Все в порядке, – тихо произнес он, словно это было предназначено для других. – Я открою дверь.

Синди с трудом разобрала вдалеке образ людей. Даже думать было тяжело. Тело отказывалось подчиняться, даже говорить не получалось.

Пассажирская дверь синего минивэна была открыта. Он усадил ее внутрь и осторожно закрыл за собой дверь таким образом, чтобы голова уперлась в окно.

Он сел на место водителя и подложил мягкую подушку ей под голову.

– Спи, любовь моя, – произнес он, включая зажигание. – Спи.

Машина поехала и мысли Синди растворились в темноте. Последнее, о чем она успела подумать, было ее будущее – яркое, успешное будущее, которое внезапно оборвалось.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эйвери Блэк стояла в задней части переполненного конференц-зала, опираясь на стену и глубоко задумавшись, пока вокруг кипела бурная деятельность. Более тридцати офицеров собрались в небольшом помещении Департамента полиции Бостона на Нью-Садбари-стрит. Две стены были окрашены в желтый цвет, еще две были стеклянными и открывали вид на второй этаж. Капитан Майк О'Мэлли, пятидесяти с небольшим лет, невысокий, но крепкий коренной бостонец с темными глазами и волосами, продолжал ходить туда-сюда вдоль трибуны. Эйвери казалось, что он вечно нервничает и некомфортно себя ощущает в собственной шкуре.

– И последнее, но не менее значимое, – произнес он с сильным акцентом. – Давайте поздравим Эйвери Блэк с переходом в убойный отдел.

Раздалось несколько небрежных хлопков, без которых комната наполнилась бы некорректной тишиной.

– *Так, так,* – начал капитан. – Сейчас у нас нет времени вести переговоры с новым детективом. У Блэк было больше арестов в прошлом году, чем у кого-либо из вас, и она практически в одиночку обезвредила вестсайдскую банду убийц. Отнесите к ней со всем уважением, – сказал он и кивнул в ее сторону с уклончивой улыбкой.

Эйвери опустила голову. Она знала, что ее светлые волосы прячут черты лица. Она была одета скорее как юрист, нежели полицейский. Ее строгий черный брючный костюм и рубашка на пуговицах действительно являлись отголоском тех времен, когда она работала адвокатом, и были очередным поводом для того, чтобы большинство полицейских в отделе либо избегали ее, либо перешептывались за спиной.

– Эйвери! – капитан поднял руки. – Я пытаюсь дать тебе некоторые преимущества. Проснись уже!

Она взволнованно оглянулась на море недружелюбных лиц и начала задаваться вопросом, был ли переход в отдел по расследованию убийств хорошей идеей.

– Ладно, давайте начнем этот день, – обратился капитан к остальным присутствующим. – Эйвери, в мой кабинет. *Немедленно,* – он повернулся к другому полицейскому. – И ты тоже, и ты, Хэннеси, иди сюда. Чарли, почему ты так стремишься быстрее сбежать?

Эйвери подождала пока разойдется толпа и только начала было двигаться к кабинету, как перед ней остановился полицейский. Она уже видела его, но не была официально знакома. Рамирес был немного выше ее, худой и утонченный, с приятным латиноамериканским загаром. У него были короткие темные волосы и гладковыбритое лицо, а симпатичный серый костюм придавал некую непринужденность внешнему виду. Сделав глоток кофе, он продолжил смотреть на нее без проявления каких-либо эмоций.

– Я могу чем-то помочь? – спросила она.

– Наоборот, – ответил он, – скорее я собираюсь помочь тебе.

Он протянул руку, но она не пожалала ее.

– Просто пытаюсь взять печально известную Эйвери Блэк на мушку. Слишком много слухов и я хочу понять, что из этого является правдой. К этому моменту я только выяснил, что ты рассеяна и зачастую ведешь себя так, словно слишком хороша для полиции. Будем проверять и проверять. Однозначно. Неплохое начало недели.

Оскорбления в полиции не были для Эйвери в новинку. Это началось еще три года назад, когда она только устроилась в органы, и с тех пор не прекращалось. Всего несколько человек можно было назвать друзьями и еще меньше коллегами, которым можно доверять.

Эйвери прошла мимо него.

– Удачи с начальником, – произнес Рамирес с явным сарказмом. – Слышал, он может быть реальным мудаком.

Слабо и двусмысленно. За многие годы Эйвери поняла, что куда лучше признать своих врагов, чем полностью избегать их. Тем самым, ты даешь понять, что ты остаешься и не собираешься уходить.

Второй этаж участка А1 полицейского департамента в центре Бостона кипел от бурной деятельности. Центр помещения был заполнен открытыми рабочими местами, а возле окон располагались небольшие застекленные кабинеты. Все копы уставились на нее, когда Эйвери проходила мимо.

– Убийца, – пробормотал кто-то себе под нос.

– Убойный идеален для тебя, – вторил другой.

Эйвери прошла мимо ирландки, которую она когда-то спасла из логова бандитов. Та мельком взглянула на нее и прошептала:

– Удачи, Эйвери. Ты этого заслуживаешь.

– Спасибо, – улыбнулась Эйвери в ответ.

Первое доброе слово за этот день прибавило ей уверенности, с которой она вошла в кабинет шефа. К ее удивлению, Рамирес стоял всего в нескольких метрах от стеклянной перегородки. Он поднял свой кофе и улыбнулся ей.

– Входите, – раздался голос начальника. – И закройте за собой дверь.

Эйвери села.

Вблизи О'Мэлли казался еще более крупным. Наряду со многими морщинами на лице, было заметно, что он красит волосы. Он потер виски и откинулся на спинку кресла.

– Тебе нравится здесь? – спросил он.

– Что Вы имеете в виду?

– Я имею в виду А1, сердце Бостона. Ты находишься в самом центре. Большой город, а ты ведь провинциалка, так ведь? Оклахома?

– Огайо.

– Да, точно, – пробормотал он. – Так чем тебе так приглянулся А1? В Бостоне есть целая куча других отделов. Ты могла бы начать с В2 или D14 и ощутить вкус жизни пригорода. Там ведь множество различных банд. Но ты пошла именно сюда.

– Мне нравятся большие города.

– Мы работаем с реальными извращенцами. Ты уверена, что снова хочешь пойти по этому пути? Это убийства, немного иначе, чем просто нападения.

– Я наблюдала, как лидер вестсайдской банды сдирал кожу с живого человека в то время, как члены его группировки просто наблюдали за происходящим, распевая песни. О каких «извращенцах» мы говорим?

О'Мэлли наблюдал за каждым ее движением.

– Я слышал, что произошло, – сказал он. – Слышал, что тебе достался гарвардский псих и выставил тебя полной идиоткой. Он сломал тебе жизнь. Из списка лучших адвокатов ты сполза в список позорных, а затем стала никем. После этого ты вдруг решила стать копом. Это должно было стать сложным решением.

Эйвери почувствовала себя очень неловко. Зачем ему все это пересказывать? Почему сейчас? Сегодня был день ее перевода в убойный отдел, она должна была праздновать его, а не портить. И, конечно, она не хотела заикливаться на прошлом. То, что было в прошлом, в прошлом и осталось. Эйвери могла смотреть только вперед.

– Хотя, ты изменила положение в лучшую сторону, – кивнул он в знак уважения. – Ты начала строить новую карьеру здесь. В этот раз в нужном месте. Я уважаю твой выбор, но хочу убедиться, что ты готова к этому. Ты ведь готова?

Она уставилась в какую-то точку позади, задаваясь вопросом, к чему он ведет.

– Если бы я была не готова, меня бы здесь не было, – сказала Эйвери.

Он кивнул, выглядя довольным.

– Нам только что позвонили, – начал он. – Найдено тело девушки. *Инсценировка*, причем не лучшая. Ребята на месте не знают, что с ним делать.

Сердце Эйвери заколотилось.

– Я готова, – ответила она.

– Точно? – спросил он. – Ты знаешь свое дело, но, если это окажется чем-то более серьезным, я хочу быть уверен, что ты не сломаешься.

– Я не сломаюсь, – повторила она.

– Это именно то, что я хотел услышать, – произнес шеф и подвинул какие-то бумаги на столе. – Дилан Коннелли руководит убойным отделом. Он уже там, работает с судмедэкспертами. У тебя, кстати, тоже новый напарник, постарайся не убить его.

– Это была не моя вина, – пожаловалась Эйвери.

Она ощутила, как внутри все сжалось при мысли о недавнем внутреннем расследовании, когда ее бывший напарник очень опрометчиво ринулся в банду, спеша показать, что может все сделать сам и приписать себе все заслуги.

Шеф указал на коридор:

– Он тебя ждет. Я поставил тебя ведущим детективом, не подведи меня.

Эйвери повернулась и увидела ожидающего Рамиреса.

– Рамирес? Но почему он? – застонала она.

– Честно? – пожал плечами капитан. – Он просто единственный, кто захотел работать с тобой. Все остальные, кажется, тебя ненавидят.

Она почувствовала как узел затягивается.

– Действуй осторожно, детектив, – добавил он, поднимаясь и тем самым показывая, что их встреча окончена. – Тебе понадобятся все друзья, которые у тебя есть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Ну, как прошло? – поинтересовался Рамирес, когда Эйвери вышла из кабинета.

Она опустила голову и продолжила идти. Эйвери ненавидела пустую болтовню и не верила, что кто-то из ее коллег-полицейских бескорыстно решит поговорить с ней.

– Куда мы направляемся? – спросила она.

– Только о деле, – улыбнулся Рамирес. – Отлично. Что ж, Блэк, у нас имеется тело девушки, помещенное на скамейку в парке Ледерман на берегу реки. Это очень оживленное место и явно не подходит для того, чтобы прятать там трупы.

Какие-то копы похлопали Рамиреса:

– Давай, тигр, сделай ее!

– Сломай ее, Рамирес.

Эйвери потрясла головой:

– Отлично.

– Это не я, – поднял он руки в ответ.

– Это все вы, – насмешливо улыбнулась она. – Никогда не думала, что полицейский участок будет хуже юридической фирмы. Секретный мужской клуб? Девушкам вход запрещен?

– Полегче, Блэк.

Она направилась к лифтам. Несколько копов засмеялись, действуя ей на нервы. Обычно Эйвери удавалось игнорировать подобные случаи, но новое дело уже подорвало ее внешнюю невозмутимость. Слова, которые произнес шеф не были типичным описанием убийства: «*Не знают, что с ним делать. Инсценировка*».

И самоуверенный, надменный вид ее нового напарника не добавлял комфорта: *все кажется вполне банальным*. Ничто еще не было настолько очевидным.

Дверь лифта уже закрывалась, когда Рамирес просунул руку в проем:

– Извини, хорошо?

Казалось, он был искренен. Руки подняты, в темных глазах теплится чувство вины. Кнопка выбранного этажа была нажата и они поехали вниз.

Эйвери посмотрела на него:

– Капитан сказал, что ты единственный, кто захотел работать со мной. Почему?

– Ты – Эйвери Блэк, – ответил он так, будто причина была очевидна. – Естественно, мне стало интересно. Никто по-настоящему не знает тебя, но, кажется, у всех сложилось определенное мнение: дура, гений, человек с большой буквы в прошлом, выскочка, убийца, спасительница. Я захотел разобраться, что из этого является правдой.

– *Тебе-то* какое дело?

Рамирес загадочно улыбнулся, но ничего не сказал.

* * *

Эйвери следовала за напарником, идущим через парковку. Он был без галстука, а две верхние пуговицы на рубашке были растегнуты.

– Я туда, – бросил Рамирес.

Они прошли полицейских, одетых по форме, которые, кажется, знали его. Один из них помахал ему рукой и бросил вопрошающий взгляд, который явно говорил: «*Что ты с ней делаешь*».

Рамирес подвел ее к старому пыльному малиновому Кадиллаку, коричневая обивка которого внутри была разорвана.

– Хороший водитель, – пошутила Эйвери.

– Эта детка в прямом смысле слова спасала меня много раз, – гордо ответил он, с любовью поглаживая капот. – Все, что от меня требуется, это одеться как сутенер или испанец-нелегал и никто не обратит внимания.

Они направились к выходу.

Парк Ледерман находился всего в паре километров от полицейского участка. Они поехали на запад по Кембридж-стрит и свернули направо на Блоссом.

– Итак, – начал Рамирес. – Слышал, ты была адвокатом.

– Да? – голубые глаза настороженно посмотрели на него искоса. – Что еще ты слышал?

– Адвокат по уголовным делам, – добавил он. – Лучшая из лучших. Ты работала на Goldfinch & Seymour, не безызвестная контора. Что заставило тебя уйти?

– А ты не знаешь?

– Я знаю, что ты защищала довольно много отморожков. Идеальная запись, да? Ты даже посадила несколько грязных копов за решетку. Должно быть ты жила на всю катушку. Огромная зарплата, бесконечный успех. Кто же захочет бросить все это и уйти работать в полицию?

Эйвери вспомнила дом, в котором она выросла – небольшую ферму, окруженную полями, простиравшимися на многие мили. Одиночество было не для нее. Ни животные, ни запах этого места никогда не прельщали ее, в особенности навоз и вечные перья, шерсть. С самого начала она мечтала сбежать оттуда. И она выбрала Бостон. Сначала Эйвери закончила университет, затем юридическую школу и начала карьеру.

А теперь это.

Вздых вырвался из ее губ.

– Думаю, не всегда все происходит именно так, как мы планируем.

– Что ты хочешь этим сказать?

В ее воображении снова возникла улыбка: эта старая, зловещая ухмылка морщинистого старика в толстых очках. Сначала он казался искренним, таким скромным, умным и честным. «*Все они такие*», – поняла она.

Пока испытания не закончились и она не вернулась к обычной жизни, Эйвери вынуждена была принять тот факт, что больше не является защитником, спасителем беспомощных, а стала всего лишь пешкой в слишком сложной игре, где ничего нельзя было изменить.

– Жизнь – сложная штука, – произнесла она. – Сегодня ты думаешь, что все знаешь, а завтра завеса открывается и все меняется.

Он кивнул:

– Говард Рэндалл, – сказал Рамирес, показывая, что понимает, о чем идет речь.

Это имя вернуло ее в реальность – холодный воздух в машине, ее положение, их местонахождение в городе. Уже давно никто не произносил это имя вслух, особенно при ней. Она почувствовала себя беззащитной и уязвимой, сжавшись и сев повыше на сиденье.

– Извини, – сказал он. – Я не имел в виду...

– Все хорошо, – ответила она.

Вот только ничего хорошего тут не было. После Говарда все и закончилось. Ее жизнь. Ее работа. Ее здравый смысл. Быть адвокатом, мягко говоря, довольно сложно, и именно *он* был тем, кто должен был помочь ей. Гениальный и всеми уважаемый профессор Гарвардского университета, простодушный и добрый человек обвинялся в убийстве. Спасение Эйвери пролегалo через *его* защиту. На этот раз ей предстояло сделать то, о чем она мечтала с детства: оправдать *невиновного* и сделать все, чтобы справедливость восторжествовала.

Но этого не произошло.

Парк уже был закрыт для посещения.

Два полицейских в штатском остановили машину Рамиреса и указали ему съехать с главной парковки и свернуть налево. Не считая копов, которые явно были из ее отдела, Эйвери заметила несколько патрульных.

– Почему они здесь? – спросила она.

– Их штаб-квартира находится на этой улице.

Рамирес остановился и припарковался рядом с патрульными машинами. Немалую часть площади огораживала желтая лента. Новостные фургоны, репортеры, камеры, кучка спортсменов, которые обычно бегают по парку, а также просто посетители столпились за лентой, пытаясь увидеть, что происходит.

– Не заходить за ленту, – произнес полицейский.

Эйвери показала значок.

– Убойный, – ответила она. Это был первый раз, когда она фактически признала свою новую позицию и ощутила чувство гордости.

– Где Коннелли? – спросил Рамирес.

Полицейский указал в сторону деревьев.

Они пошли по траве. Слева простилалось бейсбольное поле. Перед деревьями снова появилась желтая лента. Под густой листвой пролегла пешеходная дорожка, которая шла вдоль реки Чарльз. Перед скамейкой стоял полицейский с судмедэкспертом и фотографом.

Эйвери старалась избегать общения с теми, кто уже был в курсе дела до нее. За многие годы она пришла к выводу, что социальное взаимодействие лишь снижает ее внимание, а все вопросы и формальности, которыми она обменивается с другими, влияют на ее точку зрения. Это, к сожалению, также влекло за собой презрение всего отдела.

Жертвой являлась молодая девушка, помещенная на скамейку запасных. Она явно была мертва, хотя, если исключить синеватый оттенок кожи, ее положение и выражение лица, то любой прохожий, скорее всего, с первого раза даже не понял бы, что что-то происходит не так.

Руки девушки, на которые она опиралась подбородком, были уперты в скамью, словно она ожидала своего возлюбленного. На губах застыла озорная улыбка. Ее тело было повернуто таким образом, будто она сидела до этого, а затем резко встала, чтобы рассмотреть кого-то или просто тяжело вздохнула. На ней было желтое летнее платье и белые шлепанцы. Красивые каштановые волосы струей спускались по левой стороне. Ноги были скрещены, а пальцы слегка упирались в дорожку.

И только глаза жертвы выдавали ее мучения. Они излучали боль и недоверие.

Эйвери снова слышала в голове этот голос, голос старика, который мучал ее кошмарами. Говоря о собственных жертвах, он как-то спросил ее: *«Кто они? Просто сосуды – безымянные, безликие сосуды, которые пытаются найти цель. Таких миллиарды».*

Она ощутила прилив злости, которая родилась в ней во времена, когда она была беззащитна и унижена, когда вся жизнь была разрушена.

Эйвери приблизилась к телу.

В качестве адвоката она была вынуждена изучать бесконечные отчеты судебных экспертиз, фотографии коронеров и остальные данные, относящиеся к делу. Ее образование

в качестве полицейского значительно улучшилось, когда она осматривала жертв самостоятельно и могла делать собственные, более независимые выводы.

Она обратила внимание, что платье девушки было выстирано, а волосы вымыты. Ногти на руках и ногах были явно только после маникюра. Глубоко вдохнув, Эйвери ощутила запах кокоса и меда, исходящий от кожи жертвы, и слабый намек на формальдегид.

– Ты собираешься поцеловать ее или что? – раздался голос.

Эйвери склонилась над телом, держа руки за спиной. На скамейке также лежал желтый плакат с цифрой «4». Рядом с ним, ниже талии девушки, торчал жесткий рыжий волос, едва заметный на фоне платья.

Руководитель убойного отдела, Дилан Коннелли стоял, подбоченясь, и ожидал ответа. Он был довольно крепкий и сильный, с волнистыми светлыми волосами и пронизывающим взглядом голубых глаз. Он был одет в синюю рубашку, из которой, казалось, вот-вот выскочат торс и руки, а также коричневые брюки и черные толстые ботинки. Эйвери часто обращала на него внимание в офисе. Нельзя сказать, что он был в ее вкусе, но от него исходила какая-то животная дикость, которой она восхищалась.

– Это место преступления, Блэк. В следующий раз смотри, куда идешь. Тебе повезло, что мы уже сняли отпечатки пальцев и обуви.

Эйвери посмотрела вниз, немного сбита с толку. Она была очень аккуратна, когда шла сюда. Но по стальному взгляду Коннелли она поняла, что он просто ищет причину придраться.

– Я не знала, что это место преступления, – сказала она. – Спасибо, что ввели в курс дела.

Рамирес ухмыльнулся.

Коннелли, не ожидавший такого ответа, шагнул к ней:

– Знаешь, почему люди не выносят тебя, Блэк? Дело не в том, что ты работала в другом направлении, а в том, что *когда* ты там работала, ты не проявляла ни капли уважения к копам. И теперь, когда ты работаешь с нами, уважение к тебе еще меньше. Я буду предельно честным: ты мне не нравишься, я тебе не доверяю и можешь быть уверена, что я не хотел видеть тебя в своей команде.

Он повернулся к Рамиресу:

– Введи ее в курс дела. Я еду домой принять душ. Кажется, я простыл, – сказал он, сняв перчатки и швырнув их на землю.

Посмотрев на Эйвери, он добавил:

– К концу дня я жду от тебя полный отчет. Крайний срок – пять часов. В конференц-зале. Ты меня слышала? Не опаздывать. И уберитесь здесь после себя. Патрульные были достаточно любезны, чтобы отойти в сторону и дать нам спокойно поработать. Теперь *ты* проявишь вежливость по отношению к ним.

Коннелли ушел в раздражении.

– А у тебя есть подход к людям, – улыбнулся Рамирес.

Эйвери пожала плечами.

На месте преступления работала молодой специалист судебно-медицинской экспертизы, афроамериканка по имени Рэнди Джонсон. У нее были большие глаза и приятная внешность. Короткие дреды лишь частично скрывались под белой кепкой.

Эйвери уже работала с ней ранее. Они нашли общий язык, когда разбирали случай насилия в семье. В последний раз они виделись, когда решили пропустить по бокалу.

Рэнди явно была рада встретить Эйвери в этот раз. Она протянула руку, увидела собственную перчатку, покраснела, засмеялась и слегка раздосадованно вздохнув, произнесла: «Ой, я могу заразиться».

– Я тоже рада тебя видеть, Рэнди.

– Поздравляю с переводом в убойный, – кивнула Рэнди. – Ты идешь в нужном направлении.

– По одному психу за раз. Что у нас?

– Я бы сказала, что это сделал влюбленный в нее психопат, – ответила Рэнди. – Ее хорошенько помыли, вскрыли со спины, вытащили внутренности, заполнили так, чтобы тело не сгнило и снова зашили. Одежда чистая, маникюр сделан очень тщательно. Отпечатков пока не нашли. В общем, ничего особого, пока мы не получим результаты экспертизы. Я нашла лишь две раны. Видишь рот? Чтобы добиться такой улыбки у трупа, нужно либо как-то закрепить ее изнутри, либо использовать клей. Рана от прокола находится вот здесь, – она указала на уголок рта. – Могу предположить, что это от укола. Еще одна здесь, – показала она шею. – Но, судя по цвету, это произошло немного раньше, возможно, в момент самого похищения. Она мертва уже около сорока восьми часов. Также мы нашли пару интересных волосков.

– Как долга она пробыла здесь?

– Велосипедисты нашли ее в шесть, – сказал Рамирес. – Интересно, что парк патрулируется каждый день около полуночи и в три часа утра. Но они ничего не заметили.

Эйвери не могла оторвать взгляд от глаз мертвой девушки. Казалось, она смотрит на что-то вдаль, находящееся в районе берега на их стороне реки. Она осторожно переместилась за скамью и попыталась провести линию, чтобы понять, куда направлен ее взор. Вниз по течению располагались невысокие кирпичные здания. Одно из них было заметно короче остальных с белым куполом на крыше.

– Что это за здание? – спросила она. – То, большое с белым куполом.

Рамирес прищурился:

– Может Омни-театр?

– Мы можем узнать, что там показывают?

– Зачем?

– Не знаю, просто предположение.

Эйвери встала:

– Мы знаем кто она?

– Да, – ответил Рамирес, проверяя свои записи. – Мы считаем, что это Синди Дженкинс. Выпускница Гарварда, состоит в сообществе Каппа-Каппа-Гамма. Она пропала без вести два дня назад. Полиция кампуса и кембриджские копы прошлой ночью распространили ее фото. Коннелли отправил людей проверить и похоже это она. Нам все еще нужно подтверждение. Чуть позже я позвоню ее семье.

– А что с камерами видеонаблюдения?

– Джонс и Томпсон сейчас проверяют их. Ты же с ними знакома? Отличные детективы. Нам их выделили на сегодня. Далее будем выкручиваться сами, если не сможем доказать, что нам нужны дополнительные ресурсы. На входе в парк камеры не установлены, но есть парочка на шоссе и через дорогу отсюда. Во второй половине дня мы получим информацию.

– И никаких свидетелей?

– Пока нет. Спортсмены чисты, я уже проверял.

Эйвери осмотрела окрестности. Желтая лента охватывала довольно обширный участок парка. Вряд ли найдется что-то необычное у реки, на велосипедной дорожке или на траве. Она попыталась мысленно представить картину происходящего. Убийца должен был заехать с главной дороги и припарковаться ближе к воде для свободного доступа к скамейке. Как он донес тело до скамьи, не вызвав ни у кого подозрений?

Это довольно интересно, ведь люди могли обратить внимание. Соответственно, он хорошенько подготовился к действию. Может он провернул все так, будто она жива? Эйвери повернулась к телу. Вполне возможно. Девушка была эффектной и даже мертвой выглядела красиво. Скорее всего, убийца потратил достаточно много времени, подготавливая труп к тому, чтобы он выглядел идеально. Это точно не банда. Не обиженный любовник. Это что-то иное. Эйвери уже встречала подобное.

Внезапно она задалась вопросом, а что, если О'Мэлли был прав? Что, если она не готова?

– Я могу взять твою машину? – спросила она.

Рамирес приподнял бровь:

– А как же место преступления?

Она пожала плечами:

– Ты же большой мальчик, разберись с этим.

– Куда *ты* собралась?

– В Гарвардский университет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он сидел в кабинете повышенной комфортности, чувствуя себя победителем, более властным, чем кто-либо другой на этой планете. Перед ним светился дисплей монитора. Сделав глубокий вдох, он закрыл глаза и погрузился в собственные мысли.

Он задумался о подвале своего дома, больше похожим на сад. В основном помещении выстроились различные сорта мака: красный, желтый и белый. Множество других психоделических растений, каждое из которых досталось ему с трудом, стояли в длинных лотках. Некоторые были явно из других мест, напоминая своим видом либо сорняки, либо, наоборот, очень непривычные на вид. Другие же были вполне обыденными цветами, которые с легкостью можно встретить в дикой природе, несмотря на их потенциальные возможности. Он поддерживал свой сад автоматической системой полива, датчиками температуры и светодиодным освещением.

Длинный коридор, состоящих из деревянных балок, вел в другую комнату. Стены украшали картины, на которых в основном были изображены различные стадии смерти животных, а затем их «возрождение», когда чучело набивали материалом: полосатый кот на задних лапках, играющий с пряжей, собака с черно-белыми пятнами перевернулась на спину и ждет, пока ей почешут живот.

Далее шли двери. Он представил открытую дверь, ведущую в комнату, расположенную слева. Там он увидел ее снова, ее обнаженное тело лежало на серебристом столе. Мощные флуоресцентные лампы освещали помещение. В стеклянном шкафу стояло множество разноцветных жидкостей в банках.

Он ощутил ее кожу, когда провел пальцами по внешней стороне ее бедра. Мысленно он прокручивал каждую процедуру: он осушает ее тело, вытаскивает внутренности, очищает и набивает специальным материалом. Во время такого «возрождения» он всегда фотографировал, чтобы впоследствии украсить стены новыми человеческими трофеями. Некоторые фото он даже уже успел развесить.

Какая-то страшная, нереальная энергия прошла через его тело.

Он избегал людей в течение уже многих лет. Они были жуткими, более жестокими и неуправляемыми, чем животные. А животных он любил. Тем не менее, он обнаружил, что люди куда больше подходят в качестве жертв. После смерти девушки он увидел, как раскрылись небеса, призрачный образ Бога взглянул на него и произнес: «Еще».

Его мысли были нарушены резко возникшим голосом:

– Снова мечтаешь?

Над ним стоял человек с хмурым видом. Лицом и телом он напоминал бывшего футболиста, и только синий костюм слегка смягчал его внешний вид.

Он смиренно опустил голову. Плечи слегка сторбились и он сразу стал похож на незначительного маленького человека.

– Прошу прощения, мистер Пит.

– Я устал от этих извинений. Мне нужны данные.

Внутри убийца улыбнулся, даже зловеще рассмеялся. Игра на работе была почти такой же захватывающей, как и его личная жизнь. Никто не знал, насколько *особенным* он был, насколько *преданным* своему делу, насколько ценным для поддержания равновесия в этой Вселенной. Ни один из них не получит себе «место под солнцем» по ту сторону света. Их

повседневными, обыденными задачами были всего лишь переодевания, встречи, передача денег из одного места в другое. Все это не имело никакого смысла. Смысл был только для него, т.к. именно его дело соединяло с внешним миром и давало возможность выполнять работу самого Бога.

Его босс лишь что-то проворчал себе под нос и ушел прочь.

Убийца снова закрыл глаза и представил своего повелителя – темную фигуру, которая разговаривала с ним во снах и управляла его мыслями.

Песня чествования заиграла у него на губах и он шепотом пропел: «О, Господи, Боже, наша работа чиста. Только скажи и я дам тебе больше».

Еще.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У Эйвери имелось имя – Синди Дженкинс. Она также уже знала название сообщества – Каппа-Каппа-Гамма. И она была в курсе дел Гарвардского университета. Лига Плюща отвергла ее в качестве первокурсницы, но она все же нашла способ просочиться в эту жизнь, благодаря своей карьере в колледже и двум парням, с которыми она встречалась в школе.

В отличие от других высших заведений, братства и женские клубы Гарварда не были официальными. Ни в самом кампусе, ни за его пределами не существовало никаких студенческих объединений. Тем не менее, вечеринки происходили довольно регулярно за его территорией в комплексах, которые назывались студентами «организациями» или специальными «клубами». Эйвери, когда сама еще училась в колледже, лично была свидетелем парадокса студенческой жизни. Буквально каждый учащийся казался полностью поглощенным знаниями до заката солнца, затем же все поголовно превращались в кучу каких-то диких тусующихся животных.

Ожидая пока загорится зеленый, Эйвери быстро нашла в Интернете информацию о том, что Каппа-Каппа-Гамма снимала два помещения в одном и том же блоке Кембриджа на Черч-Стрит. Одно из них использовалось под различные мероприятия, второе – под обычные встречи и общение.

Она проехала мост Лонгфелло, Массачусетский технологический институт (МТИ) и свернула направо на Массачусетс-авеню. Вскоре появился Гарвардский двор, пестрящий своими великолепными зданиями из красного кирпича, расположенными среди густых деревьев и вымощенных дорожек.

Парковка находилась на Черч-стрит.

Эйвери поставила машину, заперла двери и подняла лицо к солнцу. Денек выдался солнечным, температура поднялась до 26-27°C. Она посмотрела на часы: было пол одиннадцатого.

Помещение Каппы представляло собой длинное двухэтажное здание с кирпичным фасадом. На первом этаже расположились магазины одежды. Второй этаж, по предположению Эйвери, был отдан под офисное пространство, а также сообщества. Единственным указателем, ведущим на второй этаж, был звонок с синей эмблемой Гарварда. Она нажала на него.

– Да? – раздался хриплый женский голос в интеркоме.

– Полиция, – прорычала Эйвери. – Открывайте.

Повисла тишина.

– Серьезно, – вновь раздался голос. – Кто это?

– Это полиция, – вторила она. – Все хорошо. Никто не находится в беде. Мне просто необходимо поговорить с кем-нибудь из Каппа-Каппа-Гаммы.

Дверь щелкнула.

Наверху ее встретила темноволосая сонная, изможденная девушка в явно большом для нее свитере и белых спортивных штанах. Казалось, она недавно вернулась с очередной вечеринки. Волосы практически целиком закрывали ее лицо. Пол глазами виднелись темные круги, а фигура, которой она явно гордилась в обычное время, выглядела полной и бесформенной.

– Что вы хотите? – спросила она.

– Не волнуйся, – ответила Эйвери. – Мне нет дела до деятельности вашего сообщества. Я здесь, чтобы задать несколько вопросов.

– Могу я увидеть ваши документы?

Эйвери показала значок.

Девушка окинула ее взглядом, посмотрела на значок и отступила назад.

Помещение Каппа-Каппа-Гаммы было большим и довольно ярким. В комнате стояли удобные рыжевато-коричневые диваны и синие кресла-мешки. Стены были окрашены в темно-синий цвет. Тут также находились бар, аудио система и огромный телевизор с плоским экраном. Потолки были высокими, а окна практически от пола до потолка. На противоположной стороне улицы Эйвери увидела крышу другого жилого комплекса и небо, по которому проплывали облака.

Ее жизнь в колледже сильно отличалась от жизни девушек из Каппа-Каппа-Гаммы. В-первых, она сама оплачивала себе учебу. Каждый день после занятий она подрабатывала в юридической фирме и прошла весь путь от секретаря до ассистента адвоката. Она практически никогда не пила, хотя ее отец был яростным алкоголиком. Большинство ночей она проводила либо в общезитии, изучая материалы, либо соглашалась стать тем, кто развезет всех по домам после очередной вечеринки.

На лице девушки промелькнула надежда:

– Это по поводу Синди?

– Она является тебе подругой?

– Да, моей лучшей подругой, – ответила девушка. – Пожалуйста, скажите, что с ней все хорошо.

– Как тебя зовут?

– Рейчел Штраус.

– Это ты позвонила в полицию?

– Да. Синди в субботу ушла с вечеринки немного пьяная. После этого ее никто не видел. Это не похоже на нее, – девушка закатила глаза и, слегка улыбаясь, добавила. – Обычно она очень предсказуема. Она – мисс Совершенство, понимаете? Всегда вовремя ложится спать, у нее всегда четкий график, который не меняется. Чтобы она согласилась на что-то, нужно предупреждать за три недели. А в субботу ее будто подменили: она пила, танцевала, забыла о времени. Даже приятно было видеть это.

На секунду Рейчел словно оказалась там:

– Она была действительно счастлива, понимаете?

– На это была какая-то особая причина? – поинтересовалась Эйвери.

– Не знаю, может окончание учебы. Она уже нашла работу.

– Какую работу?

– В Devante. Это что-то типа лучшей фирмы в Бостоне. Она была бухгалтером. Знаю, что это очень скучно, но, если дело касалось цифр, она была просто гением.

– Расскажи мне о субботнем вечере.

Слезы навернулись на глаза Рейчел:

– Это связано с Синди?

– Да, – ответила Эйвери. – Может мы присядем?

Рейчел буквально упала на диван и заплакала, пытаясь говорить сквозь слезы:

– С ней все в порядке? Где она?

Больше всего в этой работе Эйвери ненавидела разговоры с родственниками и друзьями.

Было столько всего, что ей требовалось обсудить. Чем больше люди узнавали о деле, тем больше они говорили и это, зачастую, выводило на преступников. Никто не осознавал этого или не придавал значения в подобные моменты, они были слишком расстроены. Все, что они хотели получить – ответы.

Эйвери присела рядом:

– Хорошо, что ты позвонила. Ты поступила правильно. Боюсь, я не могу поделиться с тобой информацией о текущей стадии расследования. Я лишь *могу* сказать тебе, что я делаю все, что в моих силах, чтобы узнать, что произошло с Синди в ту ночь. Но я не смогу сделать это одна. Мне нужна твоя помощь.

Рейчел кивнула и вытерла глаза:

– Я могу помочь, могу.

– Я хочу, чтобы ты рассказала все, что помнишь о той ночи и Синди. С кем она разговаривала? Было ли что-нибудь, что привлекло твое внимание? Говорила ли она что-либо необычное? Был ли кто-то, кто проявил к ней интерес? Что-нибудь о ее уходе?

Рейчел была полностью сломлена. Спустя какое-то время, она подняла руку, кивнула и попыталась прийти в себя:

– Да, конечно.

– А где все остальные? – вдруг отвлеклась Эйвери. – Я подумала, что здесь будет целая толпа девушек после вечеринки в Каппа.

– Они на занятиях, – ответила Рейчел и вытерла слезы. – Несколько человек вышли позавтракать. Кстати, – добавила она, – технически, это не место нашего сообщества. Это просто арендованное помещение, где мы остаемся, когда не хотим возвращаться в общежитие. Синди никогда тут не оставалась. Для нее это чересчур современное место, она более «домашняя».

– Где она живет?

– Общежитие находится недалеко отсюда, – сказала Рейчел. – Но в субботу она отправилась не домой. Она собиралась встретиться со своим парнем.

Эйвери слегка напряглась:

– С парнем?

Рейчел кивнула:

– Уинстон Грейвс, выпускник, гребец и просто мудака. Никто не понимал, почему она с ним встречалась. Ну, думаю, я понимала. Он красив и при деньгах. Синди никогда не хватало денег. Думаю, когда ты рождаешься не в семье богачей, это действительно привлекает.

«Да, – подумала Эйвери. – Знаю». Она вспомнила как деньги, престиж и сила, которую придавала ей работа в юридической фирме, заставили ее поверить, что она каким-то образом сильно отличалась от той пугливой девчушки, уехавшей из Огайо.

– Где живет Уинстон? – спросила она.

– На площади Уинтроп, это совсем близко. Но Синди не дошла до него. Уинстон приходил в воскресенье рано утром, разыскивая ее. Он решил, что она забыла об их планах и отключилась. Поэтому мы вместе пошли к ней, но дома ее также не было. Тогда я и позвонила в полицию.

– Могла ли она пойти куда-то еще?

– Точно нет, – ответила Рейчел. – Это совсем уж не похоже на Синди.

– Получается, ты уверена, что когда она ушла отсюда, она направилась к Уинстону.

– Абсолютно уверена.

– Могло ли что-то изменить ее планы? Что-нибудь, что произошло вечером или даже под конец?

Рейчел мотнула головой:

– Нет. Ну, было *кое-что*. Но я уверена, что это ничего не означает. Тут был парень, который уже давно влюблен в Синди. Его зовут Джордж Файн. Он симпатичный, внимательный, одинокий, но немного странный. Понимаете о чем я? Он много тренируется и бегаёт вокруг кампуса. В прошлом году у меня были с ним занятия. Одной из наших шуток было то, что практически каждый семестр с момента поступления он выбирал те же занятия, что и Синди. Он просто бы одержим ею. Он был здесь в субботу и необычным было то, что Синди танцевала с ним и даже поцеловалась. Абсолютно не в ее характере. Я имею в виду, что она встречается с Уинстоном. Нельзя сказать, что у них идеальные отношения, но она была очень пьяна и возбуждена. Они поцеловались, потанцевали и она ушла.

– Джордж пошел за ней?

– Я честно не знаю, – сказала она. – Не помню, чтобы видела его после ухода Синди, но я тоже была достаточно пьяна.

– Ты помнишь во сколько она ушла?

– Да, – ответила Рейчел. – Ровно в 2:45. В субботу должна была состояться наша ежегодная вечеринка, посвященная 1-му апреля, и мы собирались разыграть всех. Но было так весело, что все забыли об этом, пока не ушла Синди.

Рейчел опустила голову. Комната на какое-то время наполнилась тишиной.

– Ладно, – произнесла Эйвери. – Это была действительно важная информация. Спасибо. Вот моя визитка, если ты еще что-нибудь вспомнишь или другие девочки смогут что-то добавить, сообщите мне. Даже маленькая деталь может дать нам сейчас преимущество в расследовании.

Рейчел повернулась к ней со слезами на глазах. Они покатались по ее щекам, но голос оставался спокойным и ровным:

– Она мертва, да?

– Рейчел, я не могу.

Девушка кивнула, обхватила лицо руками и, наконец, разрыдалась в полную силу. Эйвери наклонилась и крепко обняла ее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Выйдя на улицу, Эйвери снова взглянула на солнце и тяжело вздохнула.

Черч-стрит была довольно проходимой улицей и на витринах виднелось множество камер. Даже посреди ночи, казалось, это было не лучшим местом для похищения.

«Куда же ты пошла», – задумалась она.

Навигатор на телефоне показал самый быстрый маршрут на площадь Уинтроп. Эйвери поднялась по Черч и свернула налево на Брэттл-стрит. Улица оказалась шире предыдущей и с еще большим количеством магазинов. На противоположной стороне она заметила театр. К одной из сторон здания вела узкая аллея, прикрываемая кофейней. Тень от деревьев скрывала этот небольшой участок. Эйвери стало любопытно и она прошла к узкому переулочку между зданиями.

Затем она снова вернулась на Брэттл-стрит и проверила витрины в радиусе одного квартала по обеим сторонам от Черч-стрит, обнаружив минимум две камеры.

Она зашла в небольшой табачный магазин. Раздался звон от входной двери.

– Я могу Вам чем-то помочь? – произнес пожилой светлый хиппи с дредами на голове.

– Да, – ответила Эйвери. – Я заметила, что у вас установлена камера видеонаблюдения. Какой у нее радиус действия?

– Охватывает весь квартал, – ответил мужчина. – По обоим направлениям. Мне пришлось установить ее пару лет назад из-за чертовых студентов. Все думают, что эти гарвардские ребята такие особенные, но они просто кучка придурков, как и в остальных колледжах. Сколько раз за эти годы они разбивали мне витрину. Вроде просто шалость, но все же. Вы даже не представляете, сколько стоит ремонт.

– Жаль это слышать. Слушайте, у меня нет с собой ордера, – продолжила она, показывая свое удостоверение. – Но кто-то из этих идиотов мог совершить преступление прямо на вашей улице. В том самом месте камер нет, но могу я взглянуть на записи? Я понимаю, это время, но я не стану засиживаться здесь надолго.

Он нахмурился и пробормотал себе под нос:

– Не знаю. Мне надо следить за магазином, а я тут один.

– Я Вас отблагодарю, – улыбнулась она. – Пятидесяти баксов будет достаточно?

Не говоря ни слова, он опустил голову, обошел прилавок и перевернул табличку на двери с «открыто» на «закрыто».

– Пятьдесят баксов? Заходите же.

Задняя часть магазина была темной и заваленной всяким хламом. Где-то между коробками и запасными частями мужчина отыскал маленький телевизор. Над ним, на полке выше находилось электронное оборудование, подключенное к монитору.

– На самом деле очень редко им пользуюсь, – сказал он. – Только когда возникают проблемы. В ночь на каждый понедельник запись обычно автоматически стирается. Когда произошло ваше преступление?

– В субботу ночью, – ответила Эйвери.

– Что ж, тогда повезло.

Он повернулся к оборудованию.

Черно-белая картинка транслировалась с правого угла магазина. Эйвери четко видела вход в помещение, а также противоположную сторону улицы вплоть до Брэттл-стрит. Тот

участок, который она надеялась увидеть, находился ярдах в пятидесяти. Изображение было довольно зернистым и разглядеть очертания в начале переулка казалось практически невозможно.

Он щелкнул небольшой мышкой, чтобы показать обратное направление.

– Какое время Вам нужно? – спросил он.

– 2:45, – ответила она. – Но мне также нужно проверить и другое время. Вы не против, если я просто посижу и понаблюдаю? Можете вернуться в магазин.

Он подозрительно посмотрел на нее:

– Собираешься что-то украсть?

– Я – коп, – ответила Эйвери. – Это слегка расходится с моими обязанностями.

– Ты не похожа ни на одного полицейского из всех, кого я знаю, – засмеялся он.

Эйвери вытащила маленький черный стул, вытерла его от пыли и села. Небольшой осмотр оборудования и она уже с легкостью могла сама управлять направлением камеры.

В 2:45 несколько человек прошли по Брэттл-стрит.

В 2:50 улица была пуста.

В 2:52, судя по волосам и платью, какая-то девушка попала на кадр со стороны Черч-стрит. Она прошла через Брэттл и свернула налево. Как только она обогнула кофейный магазин, из-за деревьев выскочила какая-то тень и они вместе исчезли. Какое-то время Эйвери могла наблюдать лишь неразборчивые движения чего-то темного. Далее тени деревьев приобрели свою обычную форму. Девушка больше не появлялась.

– Черт, – прошептала Эйвери.

Она отстегнула рацию от задней части своего пояса:

– Рамирес, ты где?

– Кто это? – раздался треск в ответ.

– Ты знаешь кто, твой новый напарник.

– Я все еще в Ледермане. Мы почти закончили. Тело только что забрали.

– Ты нужен мне здесь и сейчас, – произнесла она, назвав ему координаты. – Думаю, я знаю, где похитили Синди Дженкинс.

* * *

Спустя час, весь переулок был огорожен желтой лентой с обеих сторон. На тротуаре Брэттл-стрит стояли патрульная машина и фургон судмедэкспертов. Один из копов не давал прохожим пройти на территорию.

Примерно посередине квартала аллея переходила в широкую, затемненную улицу. На одной из сторон располагалось стеклянное здание агентства недвижимости и погрузочный док. На другой стояли жилые дома. Там же была небольшая парковка на четыре места. В конце аллеи стояла еще одна патрульная машина с растянутой желтой лентой.

Эйвери остановилась напротив погрузочного дока.

– Вот, – сказала она, указывая на висящую камеру. – Нам нужны эти снимки. Скорее всего, она принадлежит агентству недвижимости. Давай зайдём и посмотрим, что мы сможем достать.

Рамирес покачал головой:

– Ты с ума сошла. Эта лента даже ничего нам не показала.

– У Синди Дженкинс не было никакой причины заходить на эту аллею, – ответила Эйвери. – Ее парень живет в противоположном направлении.

– Может она хотела прогуляться, – предположил он. – Я лишь хочу сказать, что это просто твое предчувствие.

– Это не предчувствие. Ты видел запись.

– Я видел лишь несколько черных размытых пятен, которые я даже не могу как-то назвать! – противился он. – Зачем убийце нападать именно здесь? Тут на каждом углу висят камеры. Для этого надо быть полным идиотом.

– Давай все же проверим, – сказала она.

Агентство недвижимости владело и стеклянным зданием, и погрузочным доком.

После непродолжительного разговора со службой безопасности, Эйвери и Рамиресу предложили подождать прихода кого-то из начальства на уютных кожаных диванах. Через 10 минут появились начальник службы безопасности и президент компании.

Эйвери блеснула своей лучшей улыбкой и пожала им руки.

– Спасибо, что согласились встретиться с нами, – произнесла она. – Мы хотели бы получить доступ к записям с вашей видеокмеры, установленной над погрузочным доком. На данный момент у нас нет ордера, но есть тело девушки, похищенной в ночь на воскресенье. Скорее всего, это произошло возле запасного выхода из вашего здания. Если ничего нет, это займет не более двадцати минут, – сказала она, слегка нахмурившись.

– А если найдете? – уточнил президент.

– В таком случае вы сделали правильный выбор, согласившись помочь полиции в очень деликатном деле. Получение ордера может занять целый день. Тело девушки итак уже пролежало два дня. К сожалению, она больше не может говорить и не может помочь нам. Но вы можете. Пожалуйста, подействуйте нам. С каждой потерянной секундой след лишь остывает.

Президент кивнул и повернулся к охраннику:

– Дэвис, покажи им все, что они хотят увидеть. Если возникнут проблемы, найдите меня, – добавил он, повернувшись к Эйвери.

Когда они уже были на подходе, Рамирес тихо произнес, насвистывая:

– Само очарование.

– Так было нужно, – ответила она.

Кабинет службы безопасности в Агентстве представлял собой шумную комнату, заполненную более, чем двадцатью мониторами. Охранник присел за черный стол и пододвинул клавиатуру.

– Так, – произнес он. – Время и место.

– Погрузочный док. Около 2:42 и дальше.

Рамирес покачал головой:

– Мы ничего не найдем.

Камеры агентства недвижимости были цветными и гораздо более высокого качества, чем у табачного магазина. Большинство экранов были одинакового размера, но один намного больше остальных. Охранник перевел запись с погрузочного дока как раз на него, а затем пустил изображение в обратном направлении.

– Вон там, – сказала Эйвери. – Стоп.

Видео остановилось на времени 2:50. Камера показывала панорамный вид парковки, расположенной прямо напротив погрузочного дока, а также левую часть аллеи, вплоть до

знака тупика и часть улицы за его пределами. К сожалению, аллея была видна лишь частично до Брэттл-стрит. На парковке находилась единственная машина – минивэн, который вроде был темно-синего цвета.

– Там не должно быть этого автомобиля, – отметил охранник.

– Ты можешь разобрать номера? – спросила Эйвери.

– Да, вижу, – ответил Рамирес.

Все трое сидели и ждали. Какое-то время единственным движением были проезжающие по другой улице машины, а также движение листвы на деревьях.

В 2:53 в поле зрения видеокамер попали два человека.

Они были похожи на любовную парочку.

Мужчина был невысоким, жилистым, с густыми волосами, усами и в очках. Девушка была повыше и с длинными волосами. На ней было легкое летнее платье и шлепанцы. Создавалось впечатление, будто они танцевали. Он держал ее за руку и вращал вокруг себя.

– Вот дерьмо, – произнес Рамирес. – Это Дженкинс.

– То же самое платье, обувь, волосы, – ответила Эйвери.

– Она под воздействием наркотиков. Взгляни на нее, ноги не слушаются.

Они наблюдали, как убийца открыл пассажирскую дверь и усадил ее внутрь. Затем он повернулся и пошел к водителскому сиденью, остановившись по дороге прямо напротив камеры видеонаблюдения и театрально поклонившись.

– Вот *дерьмо!* – прорычал Рамирес. – Этот ублюдок играет с нами.

– Мне потребуются люди, – сказала Эйвери. – С этого момента Томпсон и Джонс работают с нами. Томпсон может оставаться в парке. Сообщи ему о минивэне, это сузит круг поиска. Нам нужно знать в каком направлении уехала эта машина. Джонсу досталась более сложная работа. Пускай он приедет сюда и следует за фургоном. Меня не волнует, как он будет это делать. Будет проверять каждую камеру, которая может ему помочь.

Она повернулась к Рамиресу, который был поражен, даже шокирован ее действиями:

– Мы нашли нашего убийцу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Усталость, наконец, настигла Эйвери ближе к 18:45, когда она поднималась на лифте на второй этаж полицейского участка. Вся энергия и возбужденность, которые она получила от утреннего происшествия, достигли своей кульминации в этом неплохо проведенном дне и разбираемой ночи с бесчисленными вопросами без ответов. Ее светлая кожа немного загорела на солнце, на голове был беспорядок, пиджак, который она носила ранее, висел на руке. Рубашка была грязной и расправленной. А Рамирес почему-то выглядел даже лучше, чем с утра: волосы зачесаны назад, костюм сидит почти идеально, взгляд такой же резкий и только немного пота на лбу.

– Как тебе удается так хорошо выглядеть? – спросила она.

– Это все моя испанско-мексиканская кровь, – с гордостью пояснил он. – Я спокойно могу продержаться двадцать четыре, а то и сорок восемь часов, и при этом выглядеть просто отлично.

Он кинул быстрый брезгливый взгляд на Эйвери и простонал:

– Да, ты выглядишь дерьмово. Но ты сделала это, – добавил он с явным уважением в глазах.

В это время второй этаж был уже наполовину пуст. Большинство полицейских были либо дома, либо работали вне офиса. Свет в конференц-зале был включен. Дилан Коннелли, явно расстроенный, ходил по кругу. Увидев их, он распахнул дверь.

– Где, черт возьми, вы были? – грозно спросил он. – Я сказал, чтобы отчет был на моем столе к пяти часам. Сейчас почти семь. Вы выключили свои рации. Вы *оба*, – подчеркнул он. – Я ожидал что-то подобное от тебя, Блэк, но не от тебя, Рамирес. Никто даже не позвонил мне. Никто не отвечал на звонки. Капитан тоже очень зол, так что не вздумайте плакаться ему. Вы хоть представляете, что здесь творилось? О чем вы, черт возьми, думали?

Рамирес поднял руки:

– Мы звонили. Я оставил сообщение.

– Ты звонил двадцать минут назад, – почти кричал Дилан. – Я пытался дозвониться каждые полчаса с 16:30! Кто-то умер? Вы гонялись за убийцей? Может сам Иисус спустился с небес, чтобы помочь вам в этой ситуации? Других объяснений вашему наглому неповиновению я не вижу! Я отстраню вас обоих от этого расследования немедленно.

Он указал на конференц-зал:

– *Зайдите.*

Вся злость прошла мимо ушей Эйвери. Ярость Дилана скорее была для нее фоновым шумом, который она с легкостью могла отфильтровать. Она научилась этому еще много лет назад, когда жила в Огайо. Ей практически каждую ночь приходилось слышать, как отец неистово орет на мать. Тогда она затыкала уши, напевала разные песни и мечтала о том дне, когда, наконец, выберется отсюда. Сейчас же ее внимание привлекла куда более важная вещь.

На столе лежала свежая газета.

На обложке красовалась ее фотография. Она выглядела так, словно кто-то сунул камеру прямо ей в лицо. Заголовок гласил: «Убийство в парке Ледерман: над делом работает защитник серийных убийц!». Рядом располагалось небольшое фото улыбающегося Говарда Рэндалла, этого старого, осунувшегося маньяка из кошмаров Эйвери, в толстых очках, будто

сделанных из стекла от бутылок Кока-Колы. Над его изображением была надпись: «Никому не верьте – ни полиции, ни адвокатам».

– Видели это? – прорычал Коннелли.

Он поднял газету и тут же швырнул ее обратно.

– Ты на главной странице! Первый день в убойном и ты снова на главной странице новостей. Ты понимаешь, насколько это непрофессионально? Нет, нет, – покосился он на пытающегося что-то сказать Рамиреса. – Даже не вздумай сейчас что-либо говорить. Вы оба облажались. Уж не знаю, с кем вы говорили сегодня утром, но вы подняли такую волну дерьма! Каким образом Гарвард прознал о смерти Синди Дженкинс? На сайте Каппа-Каппа-Гаммы выложен целый некролог.

– Может догадались? – предположила Эйвери.

– Да пошла ты, Блэк! Ты отстранена. Слышишь меня?

Капитан О’Мэлли вошел в комнату.

– Подожди, – влез Рамирес. – Ты не можешь это сделать. Ты еще не в курсе, что мы откопали.

– Меня не волнует, что вы нашли, – заорал Дилан. – Я еще не закончил. Ситуация становится все лучше и лучше. Час назад звонил мэр. Оказалось, он играет в гольф с отцом Дженкинс. И он очень хотел бы знать, почему бывший адвокат, который спас от тюрьмы серийного убийцу, работает над убийством дочери его близкого друга.

– Успокойся, – произнес О’Мэлли.

Дилан, с красным от гнева лицом и открытым ртом, резко развернулся. При виде его капитан, который был меньше ростом и спокойнее, хотя казался замотанным и готовым вот-вот взорваться, отступил назад.

– По какой-то причине, – спокойно сказал О’Мэлли, – этот случай разлетелся по всем новостям. Поэтому я бы все же хотел знать, чем вы занимались сегодня весь день. Если ты, конечно, не против, Дилан.

Коннелли пробормотал себе что-то под нос и отвернулся.

Капитан кивнул Эйвери:

– Объяснись.

– Я никому не называла имя жертвы, но я разговаривала с девушкой из Каппа-Каппа, точнее с лучшей подружкой Синди Дженкинс – Рейчел Штраус. Должно быть, она просто смогла сложить дважды два. Я сожалею об этом, – сказала она с искренне извиняющимся взглядом, направленным на Дилана. – Переговоры – не мой конек. Я искала ответы на вопросы и я получила их.

– Скажи им, – настаивал Рамирес.

Эйвери обошла конференц-стол:

– У нас в руках серийный убийца.

– Да ладно! – проворчал Дилан. – Как она может предполагать такое? Она первый день работает с этим делом. У нас только одна мертвая девушка. Нет даже намека на это.

– Ты заткнешься сегодня? – заорал О’Мэлли.

Дилан прикусил губу.

– Это не обычное убийство, – продолжила Эйвери. – Вы рассказали мне то, что знали, капитан, а ты сам видел тело, – обратилась она к Дилану. – Убийца хотел, чтобы жертва выглядела живой. Он поклонялся ей. На теле нет ни единого синяка, никаких признаков насилия. Поэтому стоит исключить нападение банды или вероятность насилия в семье.

Криминалисты подтвердили, что она была накачана мощным, естественным анестетиком, который убийца мог сделать сам. Вероятнее всего, это были какие-то цветочные экстракты, которые мгновенно парализуют тело, но убивают очень медленно. Можно предположить, что он разводит эти растения под землей. Тогда ему необходимы системы освещения, орошения и подпитки. Я сделала несколько звонков, чтобы выяснить, откуда импортируются подобные семена, где их можно купить и как получить на руки оборудование. Жертва ему нужна была живой, хотя бы на некоторое время. Я не была в этом уверена, пока не увидела его на камере видеонаблюдения.

– Что? – прошептал О’Мэлли.

– Мы нашли его, – сказал Рамирес. – Сильно не радуйтесь. Изображение очень зернистое и сложно разглядеть что-либо четко, но сам момент похищения можно увидеть с двух точек. Дженкинс ушла с вечеринки чуть позже 2:30 в ночь на воскресенье и направилась к своему парню. Он живет в пяти кварталах от Каппа-Каппа-Гаммы. Эйвери предположительно прошла по тому же пути, что и Дженкинс. Она заметила ту самую аллею. Кто знает, что подтолкнуло ее к этому, но, благодаря собственному предчувствию, она проверила камеры видеонаблюдения в соседнем табачном магазине.

– Для этого тебе нужен ордер, – влез Дилан.

– Только в том случае, если его потребуют, – ответила Эйвери. – А иногда бывает достаточно дружелюбной улыбки и приятного разговора. Этот магазинчик подвергался нападениям около десяти раз только в прошлом году. Недавно они решили установить камеру. Магазин находится на противоположной стороне и на пол квартала ниже аллеи, но мы четко смогли разглядеть девушку, прошедшую под деревьями. И я уверена, что это была Синди Дженкинс.

– И тогда она позвонила мне, – влез Рамирес. – Я решил, что она сошла с ума. Серьезно, я просмотрел это видео и даже глазом не повел бы. Блэк же заставила меня вызвать судмедэкспертов и вмешать в это дерьмо всю команду. Можете себе представить, насколько я был зол. Но она была права. На другом конце аллеи есть погрузочный док, где установлена еще одна камера. Мы попросили компанию, которая владеет ею, дать нам возможность просмотреть видеозаписи. Они согласились и тут «бум», – сказал он, разведя руки в стороны, – из аллеи выходит мужчина, держа нашу жертву. То же платье, та же обувь. Он не крупного телосложения, даже меньше самой Синди. Было ощущение, что они танцевали. На самом деле, пританцовывал он, а ее просто держал. Она явно была под воздействием каких-то наркотиков. Неустойчивая походка и другие моменты. Затем он подошел и посмотрел прямо в камеру. Этот козел дразнил нас. Он усадил ее на переднее сиденье минивэна и просто уехал, как ни в чем не бывало. Это был темно-синий Крайслер.

– Номерные знаки? – поинтересовался Дилан.

– Ненастоящие, я уже проверил. Скорее всего, была установлена еще одна табличка поверх настоящей. Я собираю список всех минивэнов этой марки в этом цвете, проданных за последние пять лет, в радиусе пяти округов. Это займет некоторое время, но, возможно, мы как-то сузим круг поиска, получив более подробную информацию. Кроме того, он, судя по всему, был замаскирован. Его лицо тяжело разглядеть. Он носит усы, явно парик и очки. Единственное, в чем мы можем быть уверены, это его рост, около 5,5 или 5,6 футов, и белый цвет кожи.

– Где записи? – спросил О’Мэлли.

– У Сары на первом этаже, – ответила Эйвери. – Она предупредила, что это займет

время, но она постарается получить фоторобот убийцы на основании того, что увидит, к завтрашнему дню. Как только мы получим его, мы сможем попытаться сравнить фото со всеми подозреваемыми и провести его через базу данных. Кто знает, может что и всплывет.

– Где Джонс и Томпсон? – спросил Дилан.

– Надеюсь, все еще работают, – ответила Эйвери. – Томпсон отвечает за поиски записей из парка. Джонс пытается отследить машину из аллеи.

– К тому времени, как мы уехали, – добавил Рамирес, – Джонс нашел как минимум шесть разных камер в радиусе десяти кварталов от аллеи. Возможно, они помогут нам.

– Даже если мы потеряем машину, – продолжила Эйвери, – мы, по крайней мере, сможем сузить направление. Мы знаем, что из аллеи он выехал на север. Это, в сочетании с тем, что найдет Томпсон по камерам в парке, позволит нам выделить область и проверить дом за домом, если придется.

– А что насчет судмедэкспертов? – спросил О’Мэлли.

– На аллее ничего не обнаружено, – ответила Эйвери.

– Это все?

– У нас также есть несколько подозреваемых. В ночь своего похищения Синди была на вечеринке. Там присутствовал парень по имени Джордж Файн. Он, как оказалось, преследовал Синди годами: брал те же уроки, что и она, якобы случайно периодически наткнулся на нее на различных мероприятиях. Протанцевал с Синди всю ночь и впервые поцеловал ее.

– Вы поговорили с ним?

– Еще нет, – сказала Эйвери и посмотрела прямо на Дилана. – Я хотела получить ваше одобрение перед возможной встряской Гарвардского Университета.

– Хорошо, что у тебя есть *хоть какое-то* понимание протокола, – проворчал Дилан.

– Также у нее есть парень, – добавила она, обращаясь к О’Мэлли. – Уинстон Грейвс. Синди должна была пойти к нему в ту ночь, но так и не дошла.

– Итак, у нас есть два потенциальных подозреваемых, запись происшествия и машина, которую еще нужно найти. Я впечатлен. Как насчет мотива? У вас есть какие-либо идеи?

Эйвери отвела взгляд.

Запись, которую она видела, положение жертвы и то, как с ней обращались, все указывало на человека, который любил свою работу. Он делал это раньше и он продолжит. Своего рода ложное ощущение всевластия мотивировало его, он не обращал внимания на полицию. Тот поклон на аллее перед камерой говорил сам за себя. Это означало либо храбрость, либо глупость, но не говорило ничего о теле или похищении, указывая на отсутствие наказания.

– Он играет с нами, – сказала она. – Ему нравится то, что он делает и он захочет повторить. Я бы сказала, у него имеется какой-то план. Это еще не конец.

Дилан фыркнул и покачал головой:

– Это нелепо.

– Хорошо, – произнес О’Мэлли. – Эйвери, ты можешь завтра поговорить с подозреваемыми. Дилан, свяжись с Гарвардом и дай им указания. Я сегодня позвоню шефу и расскажу о том, что у нас есть. Я также позабочусь о получении вами необходимых ордеров на просмотр записей с камер видеонаблюдения. Давайте пока держать Томпсона и Джонса в деле. Дэн, знаю, ты работал весь день. Но еще одна просьба и можешь считать, что отработал в ночную. Найди адреса этих двух гарвардских парней, если еще не сделал это. Прокатись

мимо них по пути домой. Просто убедись, что они на месте. Я не хочу наткнуться завтра на засовы.

– Сделаю, – сказал Рамирес.

– Ок, – хлопнул О’Мэлли. – Поезжай. Вы оба сегодня отлично поработали и должны гордиться собой. Эйвери и Дилан, задержитесь на минутку.

Рамирес уставился на Эйвери:

– Хочешь, заеду за тобой с утра? В восемь? Поедем вместе?

– Конечно.

– Я проверю Сару на предмет готовых набросков. Возможно, у нее уже будет что-то.

Внезапное предложение напарника помочь без какой-либо просьбы с ее стороны было для Эйвери в новинку. Все остальные, с кем ей приходилось работать с тех пор, как она устроилась в полицию, лишь желали бросить ее мертвой в какой-нибудь канаве.

– Звучит заманчиво, – ответила она.

Как только Рамирес вышел, О’Мэлли усадил Дилана на одну сторону конференц-стола, а Эйвери на другую.

– А теперь слушайте, вы оба, – произнес он тихим, твердым голосом. – Сегодня мне позвонил шеф и поинтересовался, о чем я думал, когда передал этот случай хорошо известному, но опозоренному бывшему адвокату по уголовным делам. Эйвери, я сказал ему, что ты – именно тот человек, кто должен заниматься этим расследованием и я все еще остаюсь при своем мнении. Ты сегодня доказала, что я был прав. Тем не менее, уже почти 19:30, а я все еще здесь. У меня есть жена и трое детей, ожидающих меня дома, и я очень хочу, наконец, пойти к ним и забыть об этом проклятом месте хотя бы ненадолго. Вполне очевидно, что ни один из вас не имеет подобных проблем, поэтому, возможно, вы не понимаете, о чем я говорю.

Она удивленно посмотрела на него.

– *Как-нибудь наладьте ваши отношения и перестаньте беспокоить меня своим дерьмом!* – злобно проговорил он.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Дилан, начни вести себя как руководитель! Не названивай мне по поводу каждого момента, который тебе не нравится! Учись работать со своими же людьми! А ты, – обратился он к Эйвери, – лучше убери свой дурацкий юмор и пофигизм, и начни работать так, будто тебе не все равно, потому что я тебя *знаю*.

Он посмотрел на нее в течение продолжительного времени, а затем продолжил:

– Мы с Диланом прождали вас несколько часов. Нравится отключать рации? Не отвечать на звонки? Это как-то помогает тебе думать? Хорошо. Можешь и дальше так продолжать. Но когда тебе звонит руководитель, ты обязана перезвонить. Если это произойдет еще раз, ты будешь отстранена. Поняла?

Эйвери кивнула, чувствуя себя униженно и произнесла:

– Поняла.

– Аналогично, – кивнул Дилан.

– Отлично, – сказал О’Мэлли.

Он встал и улыбнулся:

– А теперь, хоть я и должен был сделать это раньше, но уже не будет лучшего времени, чем сейчас. Эйвери Блэк, я хотел представить тебе Дилана Коннелли, разведенного отца двоих детей. Жена ушла от него два года назад, так как он не появлялся дома и много пил.

Теперь они живут в Мэне и он с ними не видится. Поэтому он все время зол.

Дилан напрягся и хотел было что-то сказать, но не успел.

– Дилан, познакомься с Эйвери Блэк, бывшим адвокатом по уголовным делам, который облажался и выпустил на улицы Бостона одного из худших серийных убийц в мире, человека, который снова пошел убивать и разрушил всю ее жизнь. У нее позади многомиллионные контракты, бывший муж и ребенок, который едва разговаривает с ней. Так же, как и ты, она убивает свое горе в работе и алкоголе. Видите? У вас двоих намного больше общего, чем вы думали.

Он резко стал серьезным:

– И не впутывайте меня в это снова или я отстраню вас *обоих*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Оставшись в конференц-зале один на один, Эйвери и Дилан несколько минут просидели в полной тишине друг напротив друга. Никто не шелохнулся. Голова Дилана была опущена, а выражение лица указывало на то, что он над чем-то раздумывает. Впервые Эйвери ощутила какую-то симпатию к нему.

– Я знаю каково это, – начала она.

Дилан так резко встал, что его стул отскочил и врезался в стену.

– Не думай, что это *что-либо* меняет, – сказал он. – У нас с тобой нет ничего общего.

Несмотря на то, что все его тело выражало агрессию и дистанцию, в глазах было нечто иное. Эйвери была уверена, что он на грани срыва. Что-то из сказанного капитаном сильно на него подействовало, как, собственно, и на нее. Они оба были сломлены и чувствовали себя одиноко. Они были одни.

– Смотри, – начала она, – что я подумала...

Дилан развернулся и открыл дверь. Его лицо подтвердило ее опасения: в воспаленных глазах виднелись слезы.

– Черт, – прошептала она.

Ночи были худшим временем для Эйвери. У нее больше не было постоянных друзей, никаких реальных хобби, не считая работы, и она настолько устала, что больше не могла представить себе какую-то беготню. Сидя за большим светлым столом, она опустила голову и боялась даже думать о том, что будет дальше.

Офис ближе к выходу был таким же, как и всегда, только в воздухе повисла какая-то напряженная атмосфера. Полицейские еще больше взбодрились ее присутствием на главной странице новостей.

– Эй, Блэк, – окликнул ее кто-то, тыча в обложку газеты, – милое личико.

Еще один коп указал на фотографию Говарда Рэндалла:

– Тут говорят, что вы двое были очень близки, Блэк. Ты интересуешься геронтофилией? Знаешь, что это означает? Что тебе нравится трахаться со стариками.

– Вы смешны, ребята, – улыбнулась она, выставив пальцы в виде пистолета.

– *Пошла ты*, Блэк.

* * *

В гараже стоял пятилетний белый BMW. Он выглядел грязным и заезженным. Эйвери купила его на пике своей карьеры в качестве адвоката.

«О чем ты только думала, – размышляла она. – Зачем кому-то покупать *белую* машину?»

Это был успех. Белый BMW был ярким и кричащим, она хотела, чтобы все знали, что она – *босс*. Теперь же это было лишь напоминанием о ее неудавшейся жизни.

Квартира Эйвери находилась на Болтон-стрит в Южном Бостоне. Это была небольшая трехкомнатная квартирка на верхнем этаже двухэтажного здания. Место было явно ниже рейтингом ее бывшего многоэтажного пентхауса, но достаточно просторным и аккуратным. Там же имелась красивая терраса, где можно было просто посидеть и отдохнуть после тяжелого рабочего дня.

Гостиная представляла собой открытое пространство с ворсистым ковром бурого цвета. Справа от входной двери располагалась кухня, изолированная от основной комнаты двумя островками. Ни растений, ни животных она не заводила. Северная часть квартиры была довольно темной. Эйвери бросила ключи на стол и снимала с себя остальные вещи: пистолет, плечевой ремень безопасности, рацию, значок, пояс, телефон и бумажник. По пути в душ она разделась.

Смыв с себя события этого дня, она надела халат, достала из холодильника пиво, взяла телефон и вышла на террасу.

Дисплей высвечивал около двадцати пропущенных вызовов и десять новых сообщений. Большинство из них были от Коннелли или О'Мэлли. Сплошные крики.

Иногда Эйвери действительно отключалась от всего и становилась слишком целенаправленной. Она запросто переставала отвечать на звонки кого бы то ни было, если они не имели отношения к ее непосредственной задаче, тем более, если частички пазла еще не сложились вместе. Сегодня был один из таких дней.

Она прокрутила вниз набранные номера, а также журнал вызовов за последний месяц. Не было ни единого звонка от ее дочери или бывшего мужа.

Внезапно она заскучала по обоим и набрала номер.

Телефон зазвонил.

Прозвучал автоответчик: «Привет, это Роуз. Сейчас я не могу ответить на ваш звонок, но, если вы оставите короткое сообщение со своим именем и номером, я перезвоню как только смогу. Спасибо». *Бип.*

Эйвери положила трубку.

Она взвесила идею позвонить Джеку, ее бывшему. Он был хорошим парнем с золотым сердцем, ее возлюбленным еще с колледжа. Действительно достойный человек. Когда ей было восемнадцать, у них развились бурные отношения. Тогда она своим отвратительным эгоизмом, связанным с работой ее мечты, разрушила буквально все.

В течение долгих лет она обвиняла других людей в их разрыве и потере отношений с дочерью: Говарда Рэндалла за его бесконечную ложь, ее старого босса, деньги, власть и вообще всех людей, которых она постоянно должна была развлекать, чтобы оставаться на шаг впереди. Мало-помалу, ее клиенты стали еще менее надежными, но она все равно стремилась идти вперед, зачастую игнорируя правду, и склоняя суд в любую сторону с одной лишь целью – просто выиграть дело. Она часто говорила себе: «Это последний случай. В следующий раз я буду защищать кого-то *реально* невиновного и установлю рекорд».

Говард Рэндалл и стал тем самым случаем.

«Я невиновен, – рыдал он на их первой встрече. – Эти студенты – вся моя жизнь. Неужели вы думаете, я бы сделал больно кому-то из них?»

Эйвери поверила ему и, впервые за очень долгое время, поверила *в себя*. Рэндалл был всемирно известным профессором психологии Гарвардского университета. Ему было за шестьдесят и никто не мог даже подумать, что у него был какой-то мотив и тем более расстройство личности. Более того, он казался слабым и сломленным, а Эйвери всегда хотела защищать слабых.

Она добилась признания его невиновности на пике своей карьеры, даже лучше сказать на пике самого пика. Но затем он снова совершил преднамеренное убийство, растоптав ее до конца.

Все, что Эйвери хотела знать, это причину: почему?

«Зачем Вам это? – спросила она его однажды, сидя в камере. – Зачем Вы соврали и подставили меня, чтобы затем отправиться в тюрьму до конца жизни?»

«Чтобы спасти тебя», – ответил тогда Говард.

«Чтобы спасти, – подумала Эйвери. – Разве же это спасение?»

Она оглянулась. Здесь? Сейчас? Без друзей? Без семьи? С пивом в руке и новой жизнью, выслеживая убийц, чтобы загладить вину за свое прошлое? Она сделала глоток и покачала головой. Нет, это не спасение. По крайней мере, пока не оно.

Ее мысли вернулись к убийце.

В голове начала формироваться картинка: тихий, одинокий, с дефицитом внимания, специалист по травмам и анатомии. Она исключили алкоголиков и наркоманов. Для них он был слишком осторожен. Минивэны обычно принадлежат семьям, но, судя по его действиям, семья – это то, чего он *хотел*, но не *имел*.

В голове закрутились мысли и образы. Эйвери выпила еще две бутылки пива прежде, чем уснула в своем уютном кресле на открытом воздухе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Во сне Эйвери снова видела свою семью.

У ее бывшего была спортивная фигура, короткие каштановые волосы и ослепительные зеленые глаза. Будучи любителями альпинизма, они находились на горе вместе со своей дочерью Роузи. На самом деле ей было уже шестнадцать и ее приняли в Брандейский колледж, даже несмотря на то, что она только начала учиться в старших классах. Во сне же ей было всего шесть. Они шли по дороге, окруженной густыми деревьями, и пели песни. Внезапно темные птицы стаей взлетели и закричали, а затем деревья трансформировались в черного монстра с ножом в руке, который он воткнул в грудь Роузи.

«Нет!» – закричала Эйвери.

Еще одна рука ударила Джека и оба они испарились над землей.

«Нет! Нет! Нет!» – рыдала Эйвери.

Монстр немного спустился.

Темные губы прошептали ей на ухо: «Справедливости не существует».

Эйвери вскочила под непрекращающиеся звонки телефона. Она все еще находилась на террасе, укутанная в халат. Солнце уже поднялось. Телефон продолжал разрываться.

Она подняла трубку:

– Блэк.

– Эй, Блэк! – послышался голос Рамиреса. – Ты когда-нибудь берешь трубку? Я внизу. Собирай свое дерьмо и спускайся. Я взял кофе и фото подозреваемых.

– Сколько времени?

– Восемь тридцать.

– Дай мне пять минут, – ответила она и повесила трубку.

Сон никак не отпускал ее мысли. Не спеша Эйвери встала и направилась в квартиру. Голова раскалывалась. Она натянула выцветшие голубые джинсы и белую футболку, которая, благодаря черному пиджаку, приобрела более-менее достойный вид. Ее завтраком стали три стакана апельсинового сока и батончик мюсли. На пути к выходу, Эйвери взглянула на себя в зеркало. Ее вид и утренний перекус были далеки от костюмов за тысячи долларов и завтраков в лучших ресторанах. «Забей, – сказала она сама себе. – Ты здесь не для того, чтобы выглядеть идеально, а чтобы ловить плохих парней».

Рамирес передал ей стакан с кофе в машине.

– Выглядишь отлично, Блэк, – пошутил он.

Сам он, как всегда, казался просто совершенством: темно-синие джинсы, голубая рубашка на пуговицах и темно-синий пиджак с светло-коричневым поясом и туфлями.

– Тебе стоило стать моделью, а не копом, – проворчала Эйвери.

Улыбка открыла его идеально ровные зубы.

– На самом деле, я как-то занимался этим.

Рамирес выехал из двора и направился на север.

– Ты вообще спала сегодня? – поинтересовался он.

– Не особо. А ты?

– Я спал, словно младенец, – с гордостью сказал он. – Я всегда хорошо сплю. Мне такие вещи не мешают. Я придерживаюсь идеи, что все будет именно так, как должно быть, – закончил он, взмахнув рукой.

– Есть новости?

– Оба парня были дома прошлой ночью. Коннелли решил проверить их лишь для того, чтобы удостовериться, что они не сбегут. Он также пообщался с деканом, получив нужную информацию и убедившись, что никто не испугается толпы полицейских, шатающихся по университетскому городку. Ни на одного из парней не было заведено никаких дел. Декан сказал, что ребята неплохие и из хороших семей. Сегодня увидим так ли это. По поводу фоторобота от Сары пока ничего нет. Днем получим информацию. Несколько дилеров уже позвонили мне и сообщили имена и телефонные номера покупателей. Я собираюсь все же собрать список и посмотреть что из этого выйдет. Ты видела утреннюю газету?

– Нет.

Он вытащил экземпляр и бросил ей на колени. Заголовок, выделенный большим жирным шрифтом, гласил «Убийство в Гарварде». Ниже был еще один снимок парка Ледерман и более мелкое фото студенческого городка Гарварда. Статья состояла из того же материала, что и вчера, и содержала в себе небольшое изображение Эйвери и Говарда Рэндалла в зале суда. Также упоминалось имя Синди Дженкинс, но фото не было опубликовано.

– Как-то не густо, – сказала Эйвери.

– Она белая девушка из Гарварда, – ответил Рамирес, – конечно же это сенсационная новость. Мы должны держать этих белых детишек в безопасности.

Эйвери подняла бровь:

– Это пахивает расизмом.

Рамирес решительно кивнул:

– Да, я все же немного расист.

Они промчались по улицам Южного Бостона и направились в Кембридж через мост Лонгфелло.

– Почему ты стал полицейским? – спросила она.

– Мне нравится это, – ответил он. – Мой отец был копом, дед был копом, теперь и я коп. Я пошел в колледж и быстро стал лучшим. А что здесь не любить? У меня есть пистолет и значок. Я недавно купил себе лодку. Выхожу на ней в бухту, расслабляюсь, рыбачу, а затем иду и ловлю парочку убийц. Делаю работу Бога.

– Ты религиозен?

– Нет, – ответил он, – но немного суеверен. Если Бог есть, я хочу, чтобы он знал, что я на его стороне, понимаешь?

«Нет, – подумала Эйвери, – я не понимаю».

Ее отец был подлецом, а мать добросовестно ходила в церковь и молилась Богу. Она скорее была фанатиком.

Голос из ее сна снова вернулся: «Справедливости не существует».

«Ты не прав, – ответила Эйвери. – И я собираюсь доказать это».

* * *

Большинство старшекурсников Гарварда жили за пределами студенческого городка в зданиях, принадлежащих университету. Джордж Файн не был исключением.

Пибоди-Террас представлял собой огромный высотный жилой комплекс,

расположенный вдоль реки Чарльз возле Акрон-стрит. Территория белого двадцатичетырехэтажного здания включала в себя открытый внутренний дворик, красивые газоны и прекрасный вид на противоположный берег для тех студентов, которым посчастливилось жить на верхних этажах. Джордж был одним из них.

Пибоди-Террас объединял в себе несколько зданий. Джордж Файн жил на десятом этаже здания Е. Рамирес припарковал машину вдоль Акрон-стрит и они зашли внутрь.

– Вот его фото, – сказал он. – По идее, сейчас паренек должен спать. Его занятия начинаются после 10:30.

Фотография, на самом деле, была вырезана из более крупного снимка, скачанного из Интернета. На ней был изображен недовольный, явно дерзкий студент с черными жирными волосами и темными глазами. На лице была небольшая ухмылка. Создавалось ощущение, что он бросает фотографу вызов, чтобы тот нашел изъян в его безупречном внешнем виде. Сильная челюсть и приятные черты лица заставили Эйвери задуматься о том, почему его назвали извращенцем. Ей показалось, что он выглядит вполне самоуверенным. Так почему же он практически преследовал девушку, которая, очевидно, не проявляла к нему интереса?

Рамирес показал значок швейцару.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался тот.

– Скоро узнаем, – ответил Рамирес.

Им разрешили подняться наверх.

На десятом этаже они свернули налево и пошли по длинному коридору. Ковры с завитками были окрашены в коричневый цвет, а двери – в белый глянец.

Рамирес постучал в комнату 10Е.

– Джордж, – произнес он, – ты там?

После непродолжительной тишины кто-то произнес:

– Отвали.

– Полиция, – прервала их Эйвери и постучала в дверь. – Открывай.

Снова тишина, затем не ясные звуки и опять тишина.

– Давай уже, – позвала Эйвери. – У нас не так много времени. Нам лишь надо задать тебе пару вопросов.

– У вас есть ордер?

Рамирес поднял брови:

– А малыш знает свои права. Должно быть это образование *Лиги Плюща*.

– Мы можем получить его в течение часа, – крикнула Эйвери. – Но, если ты заставишь меня уйти и подлизываться к начальству, чтобы быстрее достать его, я очень разозлюсь. А я итак чувствую себя сегодня дерьмово. Поверь, ты тоже *не* хочешь видеть меня злой. Мы лишь хотим поговорить о Синди Дженкинс. Слышали, что ты знал ее. Открой дверь и давай пообщаемся.

Замок двери щелкнул.

– У тебя и правда есть подход к людям, – сказал Рамирес.

Перед ними появился Джордж в майке и спортивных штанах. Он был довольно накачанным и загорелым. Его рост составлял около 5,6 футов. Эйвери отметила для себя, что он совпадает с ростом убийцы на записях с Синди. Несмотря на то, что внешним видом он напоминал парня после приема наркотиков или человека, который не спал уже несколько дней, в его взгляде читалось бесстрашие. Эйвери задалась вопросом, а что, если в течение многих лет над ним издевались и он, наконец, решил нанести ответный удар.

- Чего вы хотите? – спросил он.
- Мы можем войти? – задала она вопрос.
- Нет, мы можем поговорить прямо здесь.

Рамирес просунул ногу в комнату.

[Купить полную версию книги](#)